

100%
ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДРА
КОВАЛЕВСКАЯ

Война
Моря и Суши

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

Разработка художественного оформления А. Саукова

Разработка серии Е. Савченко

Иллюстрация на переплете М. Петрова

К56

Ковалевская, Александра Викентьевна.

Война Моря и Суши / Александра Ковалевская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (100% фантастика).

ISBN 978-5-699-92836-1

Далекое будущее...

В преддверии Третьей Мировой войны лучшие ученые планеты основали в глубинах Мирового океана Подводные Колонии. Ядерный кошмар глобального апокалипсиса отбросил обитателей Суши на уровень первобытных дикарей, которым пришлось мучительно долго восстанавливать свою цивилизацию. Миновало двести лет. Подводные Колонии достигли небывалого прогресса и готовы жестко отстаивать свои интересы. Они провоцируют начало войны с Сушей, перейдя от тактики силового сдерживания к открытому вооруженному наступлению. Сотрудники Главного Управления Подводных Колоний Марк Эйджи и Артемий Валевский втянуты в водоворот военных событий. Друзья должны во что бы то ни стало остановить надвигающийся новый кошмар...

Победитель конкурса «100% фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92836-1

© Ковалевская А.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

оздух. Я сам несколько раз дарил его незнакомым сидельцам тюрем. Это такая игра в милосердие, чтобы в счастье и довольстве люди не забывали, что кому-то сейчас очень и очень дерьмово. Двенадцать миллионов колонистов подарили мне воздух. Его хватит на долгие годы. На бесконечную вереницу пустых и никчёмных лет: без солнечного света, без девушек, без игривого кити.

За полосатого кити я готов отдать половину заещанного мне воздушного запаса. А вторую половину — за возможность хотя бы иногда видеть человеческое лицо. Или луч солнечного света. Разве я прошу многого? Один луч сквозь прозрачную зеленоватую толщу океанской воды — сияющий радостный круг на её поверхности...»

Он провёл ладонью по короткому ёжику на голове.

Перед тем как навсегда упрятать человека в подводный гроб, плавающий на глубине нескольких сотен метров, живого мертвеца лишают раститель-

ности по всему телу. Потом его замачивают в специальном фармакологическом растворе: считается, что это снижает риск заболеваний в четыре раза. Тюрма заботится о своих постояльцах. Ну-ну. Сведения не слишком афишируются, но уж ему-то известно, что тюремные капсулы не просто так болтаются в океане. Для их оболочек применяют полимер последнего поколения, надёжный и долговечный. Теоретически. Только теоретически. Места для тюремных комплексов выбирают не самые дружелюбные: рядом с глубинными высокотемпературными гейзерами, поблизости от выходов газов, или в местах сильных магнитных аномалий — испытывать так испытывать. Время от времени просачивалась информация, что изобретение очередного гениального химика вело себя непредсказуемо.

Хотя, подумать, мгновенная смерть — это улыбка судьбы для парня в его положении. Море раздавит ноздреватую скорлупку капсулы, и хрупкая человеческая плоть или всплывёт вместе с полимерным пузырьком, сплюснутым, смятым, но обладающим положительной плавучестью, или пойдёт на корм глубоководным кальмарам.

Он рассеянно слушал электронный вещатель, украшавший его последний путь благодатью киберинструкций, касавшихся вопросов гигиены, питания и обновления воздуха в подводной тюрьме. В монотонном электронном голосе померещились восторженные нотки, когда было зачитано сообщение, что пожертвования подводников щедры и он, несомненно, обеспечен воздухом на долгую жизнь.

Долгая жизнь! Будь проклята такая жизнь!

Лихорадочно работал мозг, отчаянно ища и не находя выхода. В первые часы всё, что происходило с ним, казалось нереальным — вернее, обратимым. Всё слишком контрастировало с прежней кипучей и деятельной жизнью, и он принял случившееся как стоик: «Что ж, прожили хорошо, поживём и плохо. Кто мечтал выспаться как следует? Вот оно, сбылось: местечко что надо, в ближайшие сорок лет никто не потревожит».

Теперь понимает: просто не знал, что значит оказаться здесь....

«...В какое дерьмо мы влипли, дружище!»

Пленник в который раз принялся яростно бить кулаками по упругим, поддающимся под ударами стенам, о которые невозможно разбить голову, от которых невозможно оторвать хоть кусок. Материал как нельзя лучше соответствовал своему назначению.

«Бездна! Знать бы, что всё не зря! И что там, под солнцем, по-прежнему кто-то делает детей и кто-то в ответ их рождает: маленьких, страшеньких, с приплюснутым носом и широким жадным ртом.

Я было подумывал поработать над ребёнком с ней... пусть имя не звучит здесь, её ты и так знаешь. Да, всё надо делать не откладывая. Слышишь, приятель? Везунчик...

О чём это я?

Может, и ты сейчас болтаешься в тюремной шахте в таком же персональном пузыре. И даже очень может быть. Я сделал всё, чтобы этого не случилось, но до конца нельзя быть уверенным — в моём-то по-

★ — ложении. Те, которые пришли за нами, были не дураки...

Если есть в человеческой сущности что-то вечное и неизменное, так это эгоизм. И здравый смысл. И они подсказывают: если ты живёшь, то и я должен, не так ли? Уйти-то всегда успею.

Но долго я не протяну... Волосы на голове отрастают на поддьюма в месяц. Через год будет из чего свить струну и пережать себе вену. Или бездна, роботы снова замочат меня в какой-нибудь дряни, от которой я на месяц забуду, что такое нормальная мужская поросль?

А на что способен ты?»

Заключённый встал в центр камеры. Освещение изменилось, в воздухе соткалась сенсорная компьютерная панель. Лёгкие пассы — касания неосязаемых клавиш, и программа открылась логотипом «Омега. Сделано в Подводных Колониях».

— «Альфа. Сделано в Надмирье», — сквозь зубы процедил осуждённый, вслух отвечая своим мыслям. — Человечество прошло путь от альфы до омеги. Всё, что создано подводниками, есть совершенство. Совершенство достигнуто, кончился алфавит, исчерпал себя, последняя буква зависла на краю бездны, и даже не фигурально, реально — омега в окружении бездны, продолжение не следует, дальше двигаться некуда.

Он, скучая, открыл очередную виртуальную игру из бесконечного перечня развлечений, и только для того, чтобы через минуту закрыть её со словами: «Парень, всё. Тебе некуда двигаться».

РИФ СОЮЗ

аким течением вас занесло сюда? — сотрудник Главного Управления изучал бейдж новичка, стараясь не ошибиться с произношением фамилии:

— Артемий Валевский? Новая Европа?

Поднял опущённые густыми короткими ресницами веки, из-под которых, неуместно в деловитом напряжении рабочего дня, вызовом могущественному, статусному учреждению сумасшедше сверкнули весёлыми искрами линзы, украшавшие радужку. Взгляд приветлив, и собеседник это почувствовал:

— Новая Россия, — уточнил собеседник, предупредительно покинув рабочее кресло и приветствуя инженера Службы омега-транспортов.

Невольно прикинул, во что обошлось это радужное безумие очей?

— Понятно, — радушно ответил инженер, не сводя взор с лица новичка. — Артемий Валевский — звучит. Фамилия на слуху... Мм... Был такой поэт? Кажется, поляк?

— Название польского аромата, — ответил Валевский, — старая торговая марка, пережила

взлёты и падения популярности, но одно время держалась в двадцатке лучших запахов на европейской Суше. А раскрутил этот бренд поэт, тут вы правы: предложил в качестве рекламы катрены, их после собрали, получился сборник отличных стихов.

— Вот оно что! — протянул этот, с искрами в глазах. — Стихи — это не по моей части, но я неплохо разбираюсь в парфюме. Архаичный аромат, да ещё с поверхности, — большая редкость, но теперь понимаю, почему ваша фамилия показалась знакомой. Мне случалось бывать на фестивалях арома. Меня зовут Марк Эйджи, Новая Канада. В столице с семи лет. Прапервые предки, кстати, русские: последняя волна эмигрантов начала XXI века.

Эйджи быстро отстучал на клавиатуре «Агеев». Валеvский перевёл взор с экрана оптикона на сотрудника Главного Управления:

— Русское «Агеев» в английском произносится как «Эйджи».

— Отцу было важно, чтобы я запомнил прапервого по фамилии Агеев, вот и помню. Мы гордимся предками! — спохватился он.

Валеvский кивнул в ответ. Заученным жестом припечатал руку к груди, процитировал классическое для всех подводников:

— «Предок — пуговина твоя!»

— «Предок — пуговина твоя!» — отозвался Эйджи и небрежно отнял свою кисть, тоже возложенную на левый лацкан кителя, — дал понять, что формальности соблюдены: — Я обеспечиваю работу омега-каналов для наших сотрудников. В Главном

Управлении почти три года, попал переводом из СУББОТ, — пижон так и сыпал словами.

«Ого! — украдкой выдохнул Арт, — надо срочно менять шаблоны!»

Служба управления и безопасности беспроводных омега-транспортов — самое закрытое и ответственное инженерное подразделение. «Субботняя» подготовка дорогого стоит. Лучший и самый вышколенный инженерный персонал Подводных Колоний выходит именно оттуда. Вычурный галстук инсуба — инженера элитной СУББОТ — отодвинулся на второй план: галстук возлежал на груди неординарного парня.

Инсуб Эйджи проверил узкую, по моде, бородку, обрамлявшую щеки снизу, и совершенно по-домашнему с хрустом поскрёб шею, используя глянцевый бок оптикона как зеркало. Он не спешил уходить. Впрочем, Валевский был последним, кому инсуб лично вручил коды, обеспечивавшие доступ на посадочные площадки о-тэ.

Валевский подумал, что теперь его очередь заявить о себе.

— Мои обязанности скромнее, — сказал он, — я эксперт-аналитик. Пятьсот девяносто семь баллов из шестисот возможных по окончании Университета Союза, и вот я в вашей команде.

Инсуб удовлетворённо хмыкнул.

Они скрепили знакомство рукопожатием.

— Как к вам обращаться? — поинтересовался Марк.

Арт смешался. «По идее, новичок здесь я, и, значит, я должен был спросить об этом. Бездна, корпоративная этика — штука тонкая и обоюдоострая», — думал Арт, слегка растерявшись от того, что его опередили. «Лучшая визитка мужчины — его ладонь», — говаривал отец. Ладонь Марка крепкая, тёплая и сухая...

— Можно Арт и на «ты», если это допускает служебный устав.

Валевский прибавил улыбку. Получилось немного скованно.

Рядом со щеголеватым Эйджи он чувствовал себя провинциалом, но решил меньше думать о таких пустяках.

В ближайшие выходные Арт вместе с Марком отправились обмыть серьёзную покупку: инсуб приобрёл котёнка.

Кабачок в старом секторе столичного рифа выбирал Эйджи. Валевский никогда ещё не посещал этот район. Движущаяся лента тротуара везла их по плавно изгибающейся спирали с яруса на ярус, всё выше, к вершине небоскрёба, занимавшего у основания квартал. Облицовка первых этажей представляла собой рельефы, выполненные в великолепном розовом мраморе, и изображала стихийные силы молодой планеты, творившей первые свои горы и океаны. Розово-опаловые разводы искусственного камня постепенно сменились великолепием коричневых с золотыми прожилками стен на уровне пятого яруса. Теперь рельефы изображали эволюцию жизни на Земле: от примитивных форм к венцу творения — человеку. Затем скользили мимо, уходя вниз, плитки

цвета зелёного муара, окаймлённые сложной резьбой, скрывая под великолепным декором глухие, без окон и галерей, этажи.

Люди, несомые лентой тротуара выше и выше, проплывали вдоль сменявших друг друга портретов представителей всех рас и эпох, заключённых в этих резных рамах, выплавленных в имитации камня, отполированного до ледяной гладкости.

Четверо незнакомцев, непримиримые эстеты, напыщенно обсуждали рельефы, объявив метод гладкой полировки недостатком современной скульптуры. Это не мешало им неумоимо фотографироваться на фоне монументальных «Ступеней эволюции», как делали многие в толпе, предпочтя неторопливую прогулочную ленту тротуара скоростному лифту.

Ещё через десяток уровней фасад здания сделался белоснежным. Теперь его украшали надписи на языках Надмирья в окружении фрагментов чертежей и формул; и примитивные схемы древних учёных начинали эту манифестацию Разума. Освещённая ярким галогеновым солнцем Союза, антарктически-снежная белизна фасада слепила глаза, одновременно заполняя всё существо светом до краёв, до кончиков пальцев. Белоснежность сияющих стен доставляла эйфорию, какую у подводников вызывает встреча с открытым пространством на поверхности моря в солнечный день.

К приятелям придвинулись двое мальчишек и присели, заглядывая в корзинку с кити.

— Ух ты, котёнок! Хорошенький! — сказал младший.

— Смотри: инсуб! — поторопил его старший, легко вскакивая с корточек и показывая за плечо Марка

на верхнюю пешеходную ленту. — Давай его догоним! Если он назовёт мне своё имя, я всем скажу, что знаком с инженером СУББОТ. Посмотришь, я тоже буду в белом костюме стоять у шлюзов! — донёсся до Валевского и Эйджи звонкий голос мальчишки.

Марк буркнул в спину убегающим детям:

— Поздравь, я — человек-невидимка. Видят моего кота, видят коллегу на соседнем ярусе, меня — не видят!

— Не снимай белый китель, — посоветовал Артемий. — Под такой гривой волос, как у тебя, и я бы не догадался высматривать инсуба.

Эйджи шутя подтолкнул Валевского, и они шагнули с зелёной ленты на пешеходную, серую, и галерея с колоннадой и арками приняла их в мягкую полутьму.

В приподнятом настроении от яркого света, созерцая раскинувшийся под ними мегаполис, они смешались с гуляющими на высотной галерее. Они прошли место, где меж сдвоенных колонн молодые люди, оттолкнувшись подошвами от края площадки, картинно раскинув руки, бросались с галереи вниз, в слегка размытую расстоянием акварельную панораму огромного города. Их летящие фигуры уменьшались в размерах, но Валевскому показалось, слишком быстро исчезали из виду.

Он удивлённо наблюдал эти прыжки.

От одного вида падающих людей начинала кружиться голова и подкатывало к горлу. Отгнав неприятные ощущения, он предположил:

— Новый о-батт?

— Новейший! — гордо подтвердил Эйджи, с удовольствием щурясь на солнце.

Облокотившись о балюстраду, он спокойно провожал глазами экстремальных прыгунов:

— Свойства у этого о-батта — супер! Кто пробовал, довольны:ходишь как в облака, скорость гасится постепенно, чувствуешь себя ангелом парящим, и никакого приземления. Зависаешь, ничего не касаешься, и просто болтаешься, пока за тобой не пришлют дронов. Один приятель подсел на эту забаву, и теперь большая часть его жалованья уходит на прыжки в облаках.

— Понятно! — хмыкнул Арт.

Сегодня аналитику пришлось пожертвовать вечерней тренировкой ради нового знакомого, и он слегка подвигал плечами, обтянутыми спортивной майкой, от которой стал отвыкать с той поры, как удостоился чести носить форму Главного Управления.

Развлечения, обходившиеся неоправданно дорого, его никогда не интересовали.

Риф Союз мог предложить и не такие штуки.

Хотя, если быть честным, Валуевскому не доводилось видеть ничего подобного. Прыжки винсьютеров на о-баттах первого поколения стали доступны многим, но настоящей имитации парения они не доставляли. За этим удовольствием пожалте на Сушу. Вот где между землёй и небом места достаточно.

Он был слегка озадачен: до сих пор не знал о существовании грандиозного сооружения, которое показал ему Марк. Помнил, что в западном секторе рифа ввысь возносились фрагменты белых стен с изящным рисунком арок на фасаде, но странным